

А. В. Махлаюк

ВОЙСКОВАЯ КЛИЕНТЕЛА В ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОМ И РАННЕИМПЕРСКОМ РИМЕ

По справедливому замечанию Р. Сэллера, «язык и идеология патроната пронизывали римское общество»¹. Действительно, исследования последнего времени показывают, что отношения и идеология патроната-клиентелы – феномена, в известной степени чуждого социокультурному опыту греков, – имели центральное значение для социокультурной и потестарной практики римлян, составляя неотъемлемую часть их общественного бытия и самосознания². По словам А. Уоллес-Хэдрилла, патронат для социально-политических структур и идеологии римского общества был столь же значим, как феодализм для социальной системы средневековья, конституируя определяющие социальные взаимосвязи между правителями и подвластными, выступая в качестве одного из ключевых механизмов социальной интеграции и осуществления власти³. В изучении всеохватывающей системы патронатно-клиентских связей невозможно и недопустимо отделять объективно существовавшие отношения и структуры от ценностных представлений и идеологии, ибо для римлян их реальный мир формировался их взглядами на прошлое и теми их идеалами, которые показывали, каким он должен быть⁴. Конкурируя с другими социальными и властными механизмами, система патроната-клиентелы была подвижной и динамичной, благодаря чему она могла адаптироваться к меняющимся историческим условиям и оставаться эффективной на протяжении столетий⁵. В конце Республики наряду с переживавшей кризис традиционной (плюралисти-

¹ Saller R.P. *Personal Patronage under the Early Empire*. Cambr., 1982. P. 37.

² Wallace-Hadrill A. *Patronage in Roman society: from Republic to Empire* // *Patronage in ancient society* / Ed. A. Wallace-Hadrill. L.-N.Y., 1989. P. 65. См. также в этой коллективной монографии главы, написанные Р. Сэллером (*Saller R. Patronage and friendship in early Imperial Rome: drawing the distinction* // *Ibid.* P. 49-62), Дж. Ричем (*Rich J. Patronage and interstate relations in the Roman republic* // *Ibid.* P. 117-135) и Д. Браундом (*Braund D. Function and dysfunction: personal patronage in Roman imperialism* // *Ibid.* P. 137-152) (указанием на это издание и возможностью познакомиться с ним я обязан А.Л. Смышляеву, которому я также искренне признателен за ценные замечания, высказанные при обсуждении данной статьи). С точки зрения Р. Сэллера, отношения патроната-клиентелы характеризуются тремя отличительными чертами: 1) реципрокным (т.е. взаимовыгодным) обменом благами и услугами; 2) персональным и достаточно продолжительным характером соответствующих связей; 3) асимметричностью отношений – в том смысле, что две стороны, вступающие в эти отношения, имеют неодинаковый статус и предлагают для обмена различные виды благ и услуг; такая асимметричность отличает патронат от дружбы между равными субъектами (*Saller. Personal Patronage... P. 1*; ср. *idem. Status and patronage* // *САН*². Vol. XI. 2001. P. 817 ff.).

³ Wallace-Hadrill. *Op. cit.* P. 68.

⁴ *Ibid.* P. 66, 73.

⁵ *Ibid.* P. 78.

ческой по своему характеру) системой аристократического патроната складывается новая система, во многом благодаря которой революционный лидер (имеется в виду Октавиан) достигает власти и обеспечивает ее за собой. Таким образом, персональный патронат отнюдь не утрачивает своего значения с установлением принципата. Более того, «римская императорская власть имеет в своей основе трансформированные патронатные структуры республиканского Рима»⁶, и император становится универсальным (хотя и не единственным) патроном, в чьих руках сосредотачиваются основные ресурсы влияния⁷.

Учитывая отмеченную значимость феномена патроната-клиентелы, возникает закономерный вопрос: была ли включена в систему патроната-клиентелы армия и если да, то каким образом? Ведь особые отношения армии с военными лидерами позднереспубликанского времени сыграли исключительно важную роль в процессе перехода к принципату, а в эпоху Империи армия была ключевым элементом государственно-политической структуры, одной из главных опор императорской власти.

Надо сказать, что в научной литературе уже достаточно давно было высказано и получило широкое распространение мнение о том, что отношения между военными лидерами и войском в последние десятилетия Республики, равно как и отношения принципсов и армии в Ранней империи, строились на основе связей, которые можно отнести к патронатно-клиентским. При этом данная клиентела определяется как войсковая (военная)⁸. Впервые понятие войсковой клиентелы (*Heeresklientel*) использовал А. фон Премерштайн в своем известном труде «О становлении и сущности принципата»⁹. Уделив основное внимание не юридическим, а философско-психологическим и социологическим основам созданного Октавианом режима личной власти, немецкий исследователь одной из главных опор принципата считал традиционные отношения патроната-клиентелы, закрепленные присягой на верность, принесенной Октавиану в 32 г. до н.э. жителями Италии и ряда западных провинций, а позднее и населением восточных провинций Рима (*RgdA.* 25). С точки зрения Премерштайна, собственно войсковая клиентела и армии-*clientes* появились еще в первые десятилетия I в. до н.э., когда материальные интересы солдат реформированной Марием армии, которая сделалась в значительной части пролетарской по составу и фактически профессиональной, стали удовлетворяться в первую очередь за счет тех «благодеяний» (*beneficia*), которые командующие предоставляли воинам из военной добычи в виде наград, денежных и земельных пожалований, получая взамен их политическую поддержку в своих притязаниях на власть в Республике. Эти взаимные (синалагматические) обязательства, развившиеся из традиционных форм патронатно-клиентских связей, закреплялись особой присягой на верность (*Treueid*), отличной от собственно военной присяги (*sacramentum militiae*), и превращали войско в личную «свиту» (*Gefolgschaft*) полководца. И в эпоху принципата такие же по своей сути отношения связывали армию и императора, ставшего единственным и единоличным патроном солдат.

Концепция войсковой клиентелы как одного из источников и одной из ключевых опор императорской власти получила достаточно широкое признание в

⁶ *Ibid.* P. 79.

⁷ *Ibid.* P. 79, 80.

⁸ Определения «войсковая» и «военная» в данном случае выражают по сути одно и то же и могут употребляться как взаимозаменяемые, указывая, что субъектами патроната-клиентелы являются командующий и войско.

⁹ *Premierstein A. von. Vom Werden und Wesen des Prinzipats.* München, 1937. S. 13 ff., 23–32, 36 ff.

научной литературе. Об Августе как патроне войска писал Р. Сайм¹⁰. На связь процесса пролетаризации состава легионов и профессионализации армии с феноменом военной клиентелы обратил внимание Э. Габба, который полагал, что происхождение военной клиентелы можно отнести уже ко времени Второй Пунической войны или Сципиона Эмилиана, и отметил также, что одним из ее источников были выводимые военачальниками ветеранские колонии¹¹. Особо отмечается значение уз патроната-клиентелы для взаимоотношений Цезаря и армии¹². Но, по мнению Ж. Армана, и для Августа узы клиентелы между императором и армией имели такое же значение, как и для Цезаря¹³.

Многие современные авторы пишут о войсковой клиентеле как об одном из решающих факторов гибели Республики и становления принципата. Так, довольно развернутые суждения на сей счет высказал И. Бляйкен. Отношения личной преданности и патроната-клиентелы, которые связывали отдельных представителей знати с подчиненными им армиями в конце Республики, он характеризует как эмбрион императорской власти, подчеркивая, что эти отношения отнюдь не являлись правовыми, но, базируясь на неформальных узях *fides*, имманентных самой сути клиентелы, были основой военной деспотии¹⁴. Наряду с изменением социального состава и способов обеспечения армии причиной появления нового типа клиентелы стали и результаты Союзнической войны: стремление многочисленных новых граждан войти в существующие клиентелы нарушило их равновесие, что определенным образом расчистило почву для складывания войсковой клиентелы¹⁵. С установлением Империи принцепсы стремились не допустить представителей старинных аристократических семейств ни к войсковой, ни к гражданской клиентелам. Для легитимации императорской власти позиция армии была особенно важна, поэтому от императоров требовалось щепетильное и серьезное отношение к своим обязанностям патрона, настойчивое утверждение среди солдат преданности правящей династии, постоянные усилия по материальному обеспечению войска, созданию особого имиджа победоносного правителя, покровителя своих солдат¹⁶. К аналогичным выводам приходит и К. Крист, отмечая, в частности, что образование войсковой клиентелы стало решающим фактором для общественных изменений в Поздней республике, что эта клиентела превзошла по своей значимости прежнюю систему социальных связей между аристократическими семьями и их клиентелами¹⁷.

¹⁰ *Syme R.* The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 352 f., 364 ff.

¹¹ *Gabba E.* Recherche sull'esercito professionale romano de Mario a Augusto // Athenaeum. 1951. N.S. Vol. 29. P. 183–184 (= *idem.* Esercito e società nella tarda Republica Romana. Firenze, 1973. P. 61 sgg.).

¹² *Schuller W.* Soldaten und Befehlshaber in Caesars «Bellum civile» // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honour of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z.W. Rubinson. Leiden, 1995. S. 194 ff.

¹³ *Harmand J.* Les origines de l'armée impériale. Un témoignage sur la réalité du pseudo-Principate et sur l'évolution militaire de l'Occident // ANRW. Bd II. 1. 1974. P. 288. Cp. *idem.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P., 1967. P. 442–445; *Aigner H.* Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 150 ff.

¹⁴ *Bleicken J.* Verfassung- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd I. Paderborn, 1978. S. 18, 27, 49.

¹⁵ *Ibid.* S. 17, 50 f.

¹⁶ *Ibid.* S. 86 ff., 93, 118, 217, 243.

¹⁷ *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 40.

Подобные оценки разделяются и другими исследователями¹⁸, в том числе и отечественными специалистами. Например, А.В. Игнатенко пишет, что в связи с переходом к добровольному набору воинов-профессионалов и изменением всей системы снабжения легионеров и оплаты службы отношения между воинами и полководцами стали строиться на соглашениях, которые могут быть уподоблены безымянным контрактам¹⁹. Об узах военной клиентелы, сыгравших важную роль в социально-политической борьбе последнего века Республики и затем монополизированных принципсом, упоминает В.Н. Парфенов, не развивая подробно данный тезис²⁰. Складывание особых личных клиентел у полководцев конца Республики отмечает также А.В. Колобов, указывая, что свои требования государству солдаты и ветераны выражали в категориях античной гражданской культуры²¹. В.Н. Токмаков элементы отношений типа патроната-клиентелы усматривает даже в раннереспубликанский период, полагая, что воины, приносившие присягу (*sacramentum*) лично консулу и вручавшие свои жизни высшей власти его империя, тем самым становились как бы его клиентами, но, утрачивая при этом гражданские права, они смотрели на командующего как на своего покровителя, взявшего на себя обязательство беречь их и содействовать их обогащению за счет добычи, и в случае невыполнения этого обязательства воины считали себя вправе реагировать неповиновением нарушителю контракта²². Эти интересные заключения не получили, однако, достаточно развернутой аргументации.

На один немаловажный фактор, способствовавший возникновению в конце Республики клиентских армий, обращает внимание Г. Борен. Он связывает этот процесс не только с изменениями социального состава и принципов комплектования легионов, но и с появившейся в послетраханский период тенденцией ко все более частому отказу отпрысков знатных семейств, составлявших основу олигархии (*the core oligarchs*), служить в армии на младших и средних командных должностях²³. В результате эти должности заполнялись сыновьями малых сена-

¹⁸ См., например: *Harmand L. Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire*. P., 1957. P. 133 suiv., 155 suiv.; *Meier Chr. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden, 1966. S. 100 ff.; *Keppie L. The Making of the Roman Army. From Republic to Principate*. L., 1984. P. 149; *Dettenhofer M.H. Herrschaft und Widerstand im augusteischen Prinzipat. Die Konkurrenz zwischen res publica und domus Augusta*. Stuttgart, 2000. S. 110 f., 191.

¹⁹ *Игнатенко А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Историко-правовое исследование*. Свердловск, 1976. С. 169–170; *она же. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре*. Свердловск, 1985. С. 126 сл.

²⁰ *Парфенов В.Н. К оценке военных реформ Августа // Античный мир и археология*. Вып. 7, 1990. С. 73, 75–76.

²¹ *Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи)*. Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. С. 22; 25; 36; *он же. Династическая пропаганда на знаменах и боевых наградах римских легионов (первый век Империи) // ПИФК*. 2000. Вып. 8. С. 129. Ср. также *Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата*. Л., 1985. С. 99–100.

²² *Токмаков В.Н. К вопросу о военных полномочиях консулов в публичном праве архаического Рима // Forum Romanum. Докл. III Международной конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права»*. Ярославль-Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 41–42. Ср. *он же. Римлянин ранней Республики на войне: права и обязанности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004*. М., 2005. С. 13.

²³ Эта тенденция специально отмечалась в литературе. См. *Suolahti J. The Junior Officers of the Roman Army in the Republican Period*. Helsinki, 1955 (особенно с. 140–145); *Smith R.E. Service in the Post-Marian Roman Army*. Manchester, 1958. P. 59 ff.; *Demougin S. L'ordre équestre sous les Julio-Claudiens*. Paris-Rome, 1988. P. 44 suiv.; *Evans R.J. Gaius Marius. A Political Biography*. Pretoria, 1994. P. 177–181.

торов, надеявшимися пробиться в высший слой правящей элиты, или выходцами из политически незначительных семей всадников и средних землевладельцев, для которых должность военного трибуна была едва ли не пределом карьерных надежд. Такие офицеры, отчасти отбивавшиеся лично полководцами, отчасти делавшие карьеру в самих войсках, превращались фактически в профессионалов, и именно от их поддержки, а не от клиентской преданности рядовой солдатской массы во многом зависел успех или неудача политических планов амбициозных военных лидеров. Все это усиливало отчуждение армии от правящего режима²⁴. Аналогичные идеи получили развитие и более фундаментальное обоснование в работах Л. де Блуа²⁵, который отмечает, что все более значительная часть штабных офицеров и средних командиров не принадлежала к семьям сенаторской элиты и связанных с ними всадников, лояльность же новых офицеров была связана в первую очередь с их командующим, а не с правящей олигархией. Автор, однако, указывает, что «сезонные» армии и ветеранов Поздней республики нельзя считать послушной «свитой» (retinue) их полководцев, сплоченными, социально изолированными *clientelae*, которые бы следовали за своими лидерами в любой ситуации и были послушным орудием в их руках, так как они поддерживали действия своих командующих только тогда, когда те обеспечивали интересы подчиненных²⁶. В таких случаях солдаты, по мнению де Блуа, действовали как *ad hoc clientela*, подобно лавочникам Клодия в Риме; в то же время легионеры не были сосредоточены исключительно на собственных материальных интересах и не были абсолютно чужды республиканской политической культуре, оставаясь вооруженными гражданами. В целом же в армиях Поздней республики получили развитие прочные горизонтальные связи среди солдат, которые знали своих офицеров лучше, чем своих патронов в Риме, и в первую очередь шли за этими командирами. Поэтому для командующих важно было прежде всего обеспечить лояльность этих офицеров и центурионов²⁷.

Среди современных исследователей, пожалуй, наиболее подробное освещение сущности войсковой клиентелы и ее роли в период становления принципата дает К. Раафлауб²⁸. Он констатирует, что в конце Республики войсковая клиентела, частично состоявшая из традиционных клиентов знатных римлян, давала возможность полководцам и после сложения своих магистратских полномочий оказывать через ветеранов политическое давление, что превращало войсковую клиентелу в политическую и служило основой экстраординарной личной власти. Возрастанию роли войсковой клиентелы способствовали разобщенность нобилитета, неспособность сената принять важные для солдат решения и готовность отдельных «генералов» использовать армии во внутривойсковой борьбе за власть. Упорядочение Августом условий службы, выплат жалованья и премий лишило войсковую клиентелу ее прежней существенной основы. Патронат над

²⁴ Bören H.C. Rome: Republican Disintegration, Augustan Re-integration: Focus on the Army // Thought. A Review of Culture and Idea. 1980. Vol. LV. № 216. P. 57 ff.

²⁵ De Blois L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / Hrsg. von G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. P. 15 ff., 29 f. (с указанием других работ автора).

²⁶ Ibid. P. 18–21. Cp. *idem*. The Roman army and politics in the first century before Christ. Amsterdam, 1987. P. 20; Erdmann E.H. Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Militärische und politische Probleme einer Berufarmee. Neustadt, 1972. S. 56 ff.

²⁷ De Blois. Army and Society... P. 21 ff.

²⁸ Raaflaub K. Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hrsg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 254 ff.

войском стал наследственной монополией принцепса и его семьи, к нему присоединился патронат над ветеранскими колониями и городами, возникшими на основе поселений ветеранов. Сознание солдатами своей принадлежности к клиентеле принцепса – и только принцепса – парализовывало возникновение альтернативной лояльности и делало ничтожно малой опасность новой политизации армии. Особое значение для создания тесных отношений между императором и войском имела также монополизация принцепсом и членами его семьи императорских аккламаций и триумфов. В целом вооруженные силы Империи, несмотря на создание *aerarium militare* и другие мероприятия по упорядочению военной организации, имели характер персональной армии. Август и другие императоры стремились не допускать образования конкурирующих клиентел, которые могли быть созданы успешными и популярными в войсках военачальниками. При этом патронатно-клиентские отношения отнюдь не действовали автоматически и переплетались с отношениями и обязательствами иного рода, завися в первую очередь от эффективности заботы императора-патрона о войске. Донативы, материальные, юридические и прочие привилегии стали средством обеспечения лояльности армии, которая продолжала оставаться главной опорой императорской власти. Но это вело к игнорированию конституционной роли сената и превращало армию в *Kaisermacher*²⁹. Опасность создания конкурирующих войсковых клиентел была редуцирована при помощи системы военно-организационных и социально-политических мер (включая такие шаги, как деполитизация «генералитета», использование на командных должностях *homines novi* и членов ближайшего окружения принцепса, чередование военных и гражданских постов в должностной карьере, постоянный личный контроль принцепса за назначениями и т.д.), но отнюдь не исчезла полностью. Созданная Августом система в целом оказалась настолько прочной и эффективной, что была в состоянии справляться со случайными сбоями, династическими проблемами и попытками военных мятежей.

Система особых персональных связей императора и армии совсем недавно получила специальное и детальное исследование в монографии Я. Штекера³⁰. Автор начинает свое исследование с рассмотрения армии как клиентелы отдельных полководцев в период Поздней республики и, переходя далее к эпохе Империи, акцентирует символические и моральные элементы во взаимоотношениях принцепса и рядовых воинов, связывает их специфику с традиционными взаимными обязательствами, существовавшими между патронами и клиентами. С этой точки зрения оцениваются такие аспекты, как практика использования *praemia militiae* и donатив (которые отнюдь не были средством простой «покупки» лояльности войска – важен был сам акт их предоставления, а не размер), организация ветеранских поселений, воинская присяга, роль принцепсов в качестве боевых соратников (*commilitones*) своих солдат, значение триумфов, императорской титулатуры и императорских изображений на военных штандартах, знаках отличия (*dona militaria*) и представленных в виде статуй, воздвигаемых в лагерях, а также другие формы императорского культа в армии. Выводы и исследовательские подходы, представленные в книге, несомненно, очень интерес-

²⁹ Ibid. S. 282, со ссылкой на ст.: *Alföldi A. Insignen und Tracht der römischen Kaiser // MDAI(R). 1935. 50. S. 44 ff.*

³⁰ *Stäcker J. Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim, 2003. Содержание этой работы известно мне только по рецензии Э. Уиллера (*Wheeler E.L.*) в *Bryn Mawr Classical Review*. 2004. 06. 27 (<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2004-06-27.html>), поэтому конкретные суждения автора по отдельным вопросам не были в полной мере учтены в данной статье.

ны, хотя далеко не бесспорны и отнюдь не исчерпывают всех проблем, относящихся к данной теме.

Нельзя, однако, утверждать, что концепция военной клиентелы имеет в современной литературе всеобщее признание. В некоторых работах, даже в тех, в которых специально рассматриваются взаимоотношения императоров и армии, понятие войсковой клиентелы вообще не употребляется³¹ или используется очень осторожно³². Х. Грассль считает даже, что точка зрения на войско как клиентелу принцепса не находит опоры в источниках³³. Вместе с тем значение персональных связей правителя и войска единодушно признается фактором первостепенной значимости. Так, П. Вейн, касаясь в своей известной книге «Хлеб и зрелища. Историческая социология политического плюрализма» проблемы взаимоотношений императора и армии (в разделе с характерным заголовком-вопросом – «Солдаты на продажу?»), пишет, что вопрос о том, был ли титул императора как верховного главнокомандующего официальным или персональным, по существу, относится к проблеме покровительства («патримониализма», по терминологии автора), а истинный ответ на вопрос, кем были солдаты императорской армии – приверженцами принцепса, связанными с ним воинской присягой, или же продажными наемниками (*fidèles ou vendus?*), является хотя и довольно банальным, но не столь простым³⁴. По мнению французского историка, они не были ни тем, ни другим, но были профессионалами, которые представляли только самих себя, свои идеалы, мифы и корпоративные интересы и для которых личная верность командующему является эквивалентом того, что у нас именуется профессионализмом³⁵. По мнению Р. Сэллера, императорам для сохранения своего властного положения необходимо было избегать двух опасностей – заговоров среди ближайшего окружения и восстаний тех, кто командовал армиями. Для этого не было нужды иметь всю империю в личной клиентеле – достаточно было обеспечивать лояльность только этих двух критических групп с помощью патримониальных ресурсов. Кроме того, сами сенаторы отнюдь не перестали быть патронами³⁶.

Специальный критический разбор концепции персональных армий и военной клиентелы в позднеереспубликанскую эпоху предпринял Н. Рулан³⁷. Констати-

³¹ Например, Б. Кэмпбелл (*Campbell J.B. The Emperor and the Roman army: 31 BC – AD 235. Oxf., 1984. P. 7, 25 ff., 198, 393*), с одной стороны, отмечает, что воинская присяга акцентировала персональную связь принцепса и войска, а с другой – пишет, что императорская армия фактически была частной наемной силой правителя, готовой продаться тому, кто предложит более высокую цену, хотя правящие императоры стремились не эксплуатировать этот факт. Никаких суждений по поводу войсковой клиентелы нет и в недавних обобщающих работах по императорской армии: *Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с франц. М., 2001; Alföldy G. Das Heer in der Sozialstruktur des römischen Kaiserreiches // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 34 ff.*

³² *Aigner. Op. cit. S. 150 ff. Ср. Brunt P.A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. 52. P. 77: «clientela объясняет меньше, чем иногда думают; она сама есть выражение более глубоких нужд и интересов».*

³³ *Graßl H. Untersuchungen zum Vierkaiserjahr 68/69 n. Chr. Ein Beitrag zur Ideologie und Sozialstruktur des frühen Prinzipats. Wien, 1973. S. 143. Anm. 1. Это в общем-то верно, если искать в источниках прямое употребление терминов «патронат» и «клиентела» применительно к отношениям императора и армии.*

³⁴ *Veyne P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 610.*

³⁵ *Ibid. P. 614, 619.*

³⁶ *Saller. Personal Patronage... P. 74.*

³⁷ *Rouland N. Armées «personnelles» et relations clientélaires au dernier siècle de la République // Labeo. 1979. 25. P. 16–38.*

ровав, что недостаточно признать наличие феноменов клиентелы в армии, чтобы *ipso facto* говорить о «военной клиентеле» как о клиентеле особого рода, он приходит к заключению, что выделять таковую неправомерно ни с политической, ни с социологической, ни с моральной точки зрения, ибо феномены, обычно относимые к ней, являются по своей природе теми же, что и феномены гражданской клиентелы. По общему заключению автора, выражения «армии-клиенты» и «военная клиентела» суть лишь несовершенные интерпретации (причем опасные с терминологической точки зрения) того понятия, которое обозначается в немецком языке труднопереводимым словом *Gefolgschaft*³⁸. Эти общие выводы Рулана базируются на следующих положениях и доводах.

1. То, что сообщают наши источники о присяге, приносимой солдатами в позднереспубликанский период, не позволяет рассматривать ее как акт, порождающий вступление в особую клиентелу. Древняя же республиканская *sacramentum* вообще не имеет отношения к клиентеле, поскольку содержала обязательство повиноваться власти магистрата, а присяга на верность, приносимая отдельным лицам (Цинне, Катилине, Фимбрии и др.), использовалась в экстраординарных обстоятельствах и не создавала уз клиентелы *stricto sensu*. Присяга же на верность Октавиану, принесенная в 32 г. до н.э., тем более не может считаться актом, создающим военную клиентелу, так как эту клятву давали как воины, так и гражданские лица.

2. Соглашаясь, что в I в. до н.э. полководцы стали единоличными распорядителями наград среди подчиненных им войск, Рулан полагает, что здесь нельзя видеть гигантские *sportulae* (как это делает Ж. Арман³⁹), ибо «генералы» лишь приспособливали древние республиканские принципы к потребностям новой эпохи, когда значение военной добычи и соответствующих сумм, распределяемых среди солдат, возросло и требования последних стали более решительными, а авторитет сената падал, не позволяя ему играть традиционную роль. *Beneficia* военных лидеров сами по себе не доказывают существования уз военной клиентелы.

3. В свою очередь, те услуги, которые оказывали солдаты и ветераны своим вождям в политических и избирательных акциях, тоже нельзя расценивать как выполнение клиентских обязательств. Даже там, где сообщается о применении (или угрозе применения) вооруженного насилия как средства воздействовать на решения политических собраний, речь идет лишь о действиях полководцев, стремящихся силой оружия захватить власть в условиях смуты и гражданской войны. Нельзя, конечно, отрицать, что полководцы обращались к голосам своих солдат, но обязанность голосовать всегда была элементом клиентелы и речь идет не о специфически военном характере клиентелы, а только о благосклонном голосовании избирателя в пользу кандидата, окруженного престижем выдающегося военного вождя.

4. Патронат, который те или иные римские нобили осуществляли над общинами, мог использоваться в военных целях, в частности для набора среди клиентов рекрутов, но эти коллективные клиентелы на местах также не имели ничего специфически военного, оставаясь по своей природе гражданскими. Само же использование клиентов для военных нужд относится к очень древней традиции и не представляет ничего принципиально нового.

³⁸ Ibid. P. 38.

³⁹ Harmand. *L'armée et la soldat...* P. 469.

5. Наконец, автор приходит к выводу, что и создание ветеранских колоний не приводило к возникновению уз собственно военной клиентелы, ибо в этом случае возникал обычный патронат над гражданской общиной.

Отдельные критические замечания Рулана нельзя не признать справедливыми (в частности, это касается политических обязательств солдат и призыва клиентов в войско патронов). Вместе с тем, многое в его подходе и выводах представляется неприемлемым. Это прежде всего – вольное или невольное стремление свести патронатно-клиентские отношения между военными вождями и армиями к неким формальным, специфическим, можно сказать, юридическим критериям и элементам, оставляя за кадром многие факты, не поддающиеся формализованным определениям и характеризующие такие стороны во взаимоотношениях полководцев и войска, которые сами римляне передавали емким понятием *fides*, выступающим в определенных аспектах как синоним понятия клиентелы вообще⁴⁰. Несводимость патроната-клиентелы только к эксплицитным, объективированным структурам и ошибочность юридической интерпретации данного комплекса отношений, которые по сути своей были связаны не с правовыми, но прежде всего с моральными обязательствами, вполне обосновано, на наш взгляд, подчеркивается в современных исследованиях⁴¹.

Подводя общий итог историографического обзора, следует, во-первых, отметить, что проблема войсковой клиентелы выходит на очень широкий круг вопросов и аспектов, связанных с социально-политической ролью и правовым положением армии в эпоху принципата, с истоками и основами императорской власти, с организацией материального обеспечения солдат и ветеранов, наконец, с системой их идеологических и ценностных представлений. Во-вторых, можно констатировать, что в научной литературе намечены отдельные направления исследования феномена войсковой клиентелы (в частности, это касается роли младшего и среднего командного состава), но в целом в его оценке присутствуют весьма разноречивые подходы и трактовки и в то же время фактически нет работ, которые были бы специально посвящены изучению этого феномена на материале императорского периода. Поэтому остается неясным целый ряд принципиальных вопросов: насколько вообще правомерно те особые отношения между полководцами и войском, которые появились в последнее столетие Республики и в той или иной форме продолжали существовать в эпоху принципата, интерпретировать как персональные, взаимобязательственные связи типа патроната-клиентелы; можно ли видеть в них некую военную специфику, сочетание как древних традиций, так и неких новых элементов, служивших источником и основой принципата, который, как резонно отмечается некоторыми исследователями, никогда не мог отречься от своего революционного и военного происхождения⁴²; насколько допустимо об армии раннеимператорского времени говорить как о «персональной» («частной») армии принцепсов, а о ее солдатах как о клиентах императора-патрона; не является ли понятие войсковой клиентелы конструктом, искусственно созданным и используемым современными историками, или же оно действительно отражает существенные стороны взаимоотношений армии и правителя Империи? Чтобы прояснить данные во-

⁴⁰ См. *Rich. Op. cit.* P. 128–129. О значениях понятия *fides* см. TLL. VI. 1. Col. 663–691, особенно 664–665.

⁴¹ *Rich. Op. cit.* P. 119; *Saller. Patronage and friendship...* P. 60; *Wallace-Hadrill. Op. cit.* P. 66.

⁴² *Bleiken. Op. cit.* S. 81. Cp. *Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: der römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft* // *Klio.* 1992. 72. S. 214.

просы, обратимся к источникам, уделив внимание главным образом анализу тех моментов, которые непосредственно связаны с такой ключевой для патронатно-клиентских отношений категорией, как *fides*.

Разумеется, было бы ошибочным сводить все многообразие отношений между полководцами (императорами) и их подчиненными только к узам патроната-клиентелы (тем более что и солдаты, и командиры разных рангов в период Империи, как и при Республике, продолжали входить в различные клиентелы, которые отнюдь не исчезли с установлением принципата⁴³). Важно, однако, отметить, что личный, можно даже сказать «частный», характер армий конца Республики и начала Империи вполне отчетливо сознавался современниками и более поздними античными историками. Такое понимание сложившейся ситуации с очевидностью присутствует в ряде авторских рассуждений и в речах исторических персонажей в «Гражданских войнах» Аппиана. В 17-й главе V книги он пишет с присущей ему пронизательностью о безначалии: «Причинами его было то, что полководцы занимали свои должности по большей части, как это бывает в период междоусобных войн, не на основании выборов, а также то, что войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц... Солдаты считали себя не столько отправлявшими военную службу, сколько помощниками своих начальников на основе личного расположения, личного желания и полагали, что правители нуждаются в них в личных своих интересах»⁴⁴ (пер. Т.Н. Книпович). В речи Кассия (App. В.С. IV. 93) прямо констатируется, что «войска, принадлежавшие до сих пор государству, Цезарь превратил в свою личную собственность» (στρατολέδων, ἃ καὶ αὐτὰ, τὴν ὄντα τῆς πόλεως, ἐαυτοῦ πελοίητο ἦδη). Так же и в письмах и «Филиппиках» Цицерона солдаты, ветераны и сподвижники Цезаря предстают как сплоченный блок, доминирующий в политике и после гибели диктатора⁴⁵. По сути дела, аналогичным образом выглядели и армии противников Цезаря. У Лукана в «Фарсалии» один солдат-помпеянец заявляет Катону: «... в Помпеево войско влекла нас / Вовсе не

⁴³ Примечательно в этом плане, что Клавдий запретил солдатам входить в дома сенаторов для приветствия, опасаясь, по-видимому, образования слишком тесных клиентских связей (*Suet. Claud.* 25. 1). О солдатах как клиентах Юлии Месы упоминает Геродиан, отмечая, что именно они сыграли главную роль в провозглашении императором Гелиогабала (*Herodian.* V. 3. 9 sqq.). Можно отметить и тот факт, что солдаты-бенефициарии (само название их должности указывает на ее происхождение из особых отношений между военачальником и солдатом, получавшим от него пост в свите или в канцелярии-officium) часто в надписях в честь своих начальников (иногда и членов их семей) именуют их *patroni*, подчеркивая личный характер отношений. См. *Nelis-Clément J. Les bénéficiaires: militaires et administrateurs au service de l'Empire* (Ier s.a.C. – VIe s.p.C.). Bordeaux, 2000. P. 71, 297. Подробнее о солдатах как клиентах влиятельных лиц см. *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998. S. 118; О покровительстве, оказываемом императором и высокопоставленными сенаторами при назначении на командные должности, см. *Saller. Personal Patronage...* P. 37, 74, 157 ff.

⁴⁴ Об этом пассаже см. *Jal P. Le «Soldat des Guerres Civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // Pallas.* 1962. T. XI. Fasc. 2. P. 7–9.

⁴⁵ *Botermann H. Die Soldaten und römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats.* München, 1968. S. 4–14, 21–36 (с указанием источников).

страсть к гражданской войне: любя полководца, / Мы помогали ему» (IX. 227–229). Негодующий Катон отвечает: «Значит с желаньем таким и вы воевали, солдаты, / Бились вы лишь за господ: вы были войсками Помпея, а не боролись за Рим»⁴⁶ (IX. 257–258. Пер. Л.Е. Остроумова).

В современной литературе уже обращалось внимание на тот факт, что в долговременных кампаниях после 89 г. до н. э. солдаты стали именоваться по именам своих командующих: Sullani, Fimbriani, Valeriani (Plut. Lucul. 7. 2; Sall. Cat. 11. 4; 16. 4; 37. 6; App. В.С. II. 2), miles Caesaris, miles Pompei (Caes. В. civ. II. 32. 14; В. Hisp. 17. 1)⁴⁷. Подобные прецеденты имели место и в период Империи – и не только в «год четырех императоров», когда в ходу были наименования «вителлианцы», «отонианцы», «флавианцы» (см. Tac. Hist., passim). В сенатском постановлении по делу Гн. Пизона-отца, среди прочих преступных деяний сирийского наместника, указывается, что он пытался развязать гражданскую войну и разлагал воинскую дисциплину во вверенных ему частях, «раздавая от своего имени подарки из казны нашего принцепса, а сделав такое, потешался, называя одних воинов пизонянцами, а других цезарианцами, предпочитая <всем> тех, кто после присвоения такого прозвища усердствовал в подчинении» (SC de Cn. Pisone patre, 54–57. Пер. П.А. Князева)⁴⁸. Отметим также, что Пизон фактически пытался создать из подчиненных ему легионов собственных приверженцев, присвоив себе то, что считалось исключительной прерогативой принцепса, – раздачу донатив. Случай с Пизоном, конечно, стоит особняком. Однако он может свидетельствовать, что абсолютной монополии принцепса на покровительство войску в период раннего принципата еще не существовало, тем более она оказывалась под вопросом в моменты династических кризисов⁴⁹.

Говоря о персональном характере императорской армии, следует еще раз обратить внимание на тот факт, что уже в правление Августа происходит отказ от употребления такой официальной формулы, как *legiones (exercitus) populi Romani*: в своих «Деяниях» принцепс именует и солдат, и войско, и флот *milites mei, exercitus meus, classis mea* (RgdA. 15, 26, 30)⁵⁰. Еще более примечательно, что и

⁴⁶ Последняя строка в подлиннике звучит гораздо выразительнее: *Pompeiana fuisti, non Romana manus*. Однако отнюдь не все солдаты слепо следовали даже за любимыми вождями. Тот же Аппиан (В.С. IV. 133) признает, что войска Брута и Кассия, в немалой своей части состоявшие из бывших воинов Цезаря и относившиеся к нему с необычайной любовью, выступили против триумвиров и до конца хранили верность вождям республиканцев, действуя не из личных интересов, но ради республики. Еще ранее, в 100 г. до н.э. Марий вынужден был протестовать своим ветеранам, которые последовали за Сатурнином и Главцией (App. В.С. I. 29–31).

⁴⁷ *Smith R.E. Service in the post-Marian Roman army*. Manchester, 1958. P. 14 f.; *Harmand. L'armée et le soldat...* P. 231–243; *De Blois. The Roman Army and Politics...* P. 11; *idem. Army and Society...*

⁴⁸ ... *etiam donativa suo | nomine ex fisco principis nostri dando, quo facto milites alios Pisonianos, alios Caesarianos dici laetatus sit...* (приводится по ст.: *Князев П.А. Правосудие принцепса и сената в уникальном документе 20 г. н.э.: Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre* (характеристика документа и его перевод) // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 39–61). Ср. Tac. Ann. II. 55. 5: *eo usque corruptionis proventus est, ut sermone vulgi parens legionum haberetur* («...довел войско до такой степени разложения, что получил от толпы прозвище “Отца легионов”»).

⁴⁹ Ср. передаваемые Тацитом обвинения Л. Вителлия в адрес Юния Блеза: «Другого врага нам следует опасаться... кто хвастается своими предками – Юниями и Антониями, кичится своим происхождением из императорского рода и выставляет напоказ перед солдатами свою доброту и щедрость» (Tac. Hist. III. 38. Пер. Г.С. Кнабе).

⁵⁰ *Парфенов. Ук. соч. С. 75*, со ссылкой на ст.: *Wickert L. Prinzipat und Freiheit // Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969. S. 117.*

воины указывают на то, что они сами или их легион принадлежит императору. Так, известна надпись (ILS, 2231), в которой один центурион именуется *centurio leg(ionis) XXXXI Augusti Caesaris*⁵¹, а в почетной надписи, отмечающей почести, предоставленные городом Немаусом ветерану XVI легиона Т. Юлию Фесту, этот последний назван *Ti. Caesaris divi Aug(usti) f(iilii) Augusti miles missicius*, т.е. «отставной солдат Тиберия Цезаря Августа, сына Божественного Августа» (CIL XII. 3179 = ILS, 2267). Эти свидетельства, как и характерные указания в эпиграфических документах на получение наград, почетной отставки и связанных с нею привилегий лично от императора⁵², могут служить подтверждением того, что военная служба действительно стала рассматриваться как служба лично императору, а сама армия – как принадлежащая персонально ему не только в силу его полномочий главнокомандующего, но на основе обязательств персонального характера, в противоположность той ситуации периода Республики, когда, по словам Цицерона, все легионы и все войска, где бы они не находились, принадлежали государству⁵³. Для Тацита, во всяком случае, представлялось очевидным, что после битвы при Филиппах войско как институт, подчиненный государству в целом, перестало существовать (*Ann. I. 2. 1: nulla iam publica arma*); и, судя по всему, такое же положение, по мнению римского историка, сохранялось и с установлением принципата. Отметим и другое свидетельство Тацита, согласно которому Тиберий, только что занявший императорский престол, в обращении к мятежным легионам в Паннии стремился создать впечатление, что забота об армии является не только делом принцепса, но и сената (*Ann. I. 25*), но именно эту ссылку на сенат легионеры восприняли с возмущением и недоумением, увидев в ней нечто новое, так как для солдат естественным представлялся порядок, когда и приказы о военных действиях, и наказания, и награды исходят от одного источника – императора⁵⁴.

Очевидно, истоки такого состояния дел коренятся в обстоятельствах эпохи гражданских войн, когда прочность и перспективы положения отдельных военных лидеров обуславливались поддержкой солдат, которые, в свою очередь, были заинтересованы в сильной власти своего вождя, чтобы иметь надежные гарантии предоставления обещанного вознаграждения и закрепления полученных земельных пожалований, которых, естественно, не мог (и не хотел) дать се-

⁵¹ Ср. *Raaflaub. Op. cit. S. 276–277*.

⁵² О значении данного момента см. *Eck W. Monumete der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 483–496*, особенно 493 ff.; *Эк В. Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление // ВДИ. 2004. № 3. С. 44 сл. 50, 55*.

⁵³ *Cic. Phil. X. 12: omnes legiones, omnes copiae, quae ubique sunt, rei publicae sunt*. Ср. приводимые Дионом Кассием (LVII. 2. 3) слова Тиберия, который, хотя и не без иронии и как бы вступая в полемику с Августом, воспроизводит по сути ту же установку, чтобы продемонстрировать свою приверженность республиканским традициям: «воины принадлежат не мне, а государству» (*οἱ στρατιῶται οὐκ ἐμοὶ ἀλλὰ δημόσιοι εἰσιν*).

⁵⁴ *Tac. Ann. I. 26. 3: novum id plane quod imperator sola militis commoda ad senatum reiciat. eundem ergo senatum consulendum, quotiens supplicia aut proelia indicantur. an praemia sub dominis, poenas sine arbitro esse?* («Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют властители государства, а наказания налагает кто вздумает?». Пер. А.С. Бобовича). Ср. также приводимые Тацитом слова Тиберия в ответе на предложение Юния Галлиона даровать отставным преторианцам право занимать место в первых четырнадцати рядах амфитеатра (*ibid. VI. 3. 1*): *...quos (sc. milites) neque dicta [imperatoris] neque praemia nisi ab imperatore accipere par est* – «...воинам полагается получать приказы и награды только от императора и больше ни от кого».

нат (App. В.С. V. 13)⁵⁵. В период гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, сенат de facto устраняется от какого бы то ни было реального участия в контроле за армией и полководцами, в лучшем случае выступая только как институт легитимации статуса того или иного вождя. Наиболее, быть может, показателен в этом плане эпизод, связанный с получением в начале 43 г. до н.э. империя юным наследником Цезаря: по сути дела, он был предоставлен ему волей солдат и ветеранов Цезаря. И это вынужден был признать (и в силу сложившейся ситуации даже оправдывать!) сам Цицерон, заявляя в XI «Филиппике»: «... ветераны, которые взяли в руки оружие для защиты государства, увлеченные его авторитетом, командованием, именем, хотели, чтобы ими командовал именно он: Марсов и четвертый легион подчинились авторитету сената и достоинству государства при условии того, что их императором и предводителем будет Гай Цезарь» (Phil. XI. 20. Пер. В.Г. Боруховича и Е.В. Смыкова). Аналогичным образом эти события излагаются и у Аппиана (В.С. III. 48, 65). Показательно, что переход этих воинских частей на сторону Октавиана произошел несмотря на то, что Антоний попытался увеличить обещанные донативы⁵⁶. Весьма примечательно, что спустя многие годы и сам Август поставил себе в заслугу то, что он по собственной инициативе и на собственные средства (*privato consilio et privata impensa*) снарядил войско, с помощью которого разгромил Антония, и за это получил от сената пропреторский империй и другие почести (RgdA. 1. 1).

Такой набор войска стал возможен главным образом потому, что за Октавианом последовала большая часть солдат и ветеранов Цезаря, которые, разумеется, нуждались в вознаграждении и закреплении за ними прав собственности на полученные земли, что могло быть обеспечено при условии преемственности власти (ср. Nic. Dam. Vita Caes. 18. 56)⁵⁷. Но вместе с тем они, очевидно, руководствовались и чувством личной верности по отношению к приемному сыну и наследнику своего полководца, рассматривая Октавиана и как наследника того патроната, который имел по отношению к ним Цезарь⁵⁸. Думается, нет веских оснований преуменьшать значение этого субъективного фактора, который прямо акцентируется в некоторых источниках, пусть даже эти свидетельства и принадлежат таким тенденциозным авторам, как Николай Дамасский. Последний, рассказывая о взаимоотношениях Антония и Октавиана, прибывшего в Рим после смерти диктатора, передает рассуждения ветеранов Цезаря, которые полагали, что для них делом благочестия является соблюдать все, что относится к доброй памяти Цезаря, и опекать его сына и наследника (Vita Caes. 29. 115). Один из солдат заявляет даже, что все они входят в состав наследства Октавиана и готовы все перенести и сделать ради наследника Цезаря (ibid. 29. 117). Такого рода расположение Цезаревых ветеранов к юному Октавиану отмечают и Аппиан (В.С. III. 11–12, 32, 40), и Веллей Патеркул (II. 59. 5). Надо сказать, что подобная лояльность ветеранов и солдат, распространяющаяся на сыновей и наследников политических лидеров, не является в истории I в. до н.э. чем-то исключительным. Она отмечается, в частности, в отношении ветеранов Мария к его сыну (Diod. XXXVIII–XXXIX. 12), ветеранов-помпеянцев к Сексту Помпею (App. В.С.

⁵⁵ Premerstein. Op. cit. S. 25; Aigner. Op. cit. S. 134, 148 ff.

⁵⁶ См. Liv. Perioch. 117; Vell. Pat. II. 61. 2; Dio Cass. XLV. 13; Cic. Phil. III. 3, 30; IV. 2; V. 23, 46; XI. 37; Fam. XIX. 28. 3; Brut. 5. 1 sq.; 9. 1.

⁵⁷ Так, еще осенью 44 г. до н.э. Октавиан привлек на свою сторону ветеранов VII и VIII легионов, поселенных в Кампании, обещав им огромные донативы – 500 денариев каждому (Cic. Att. XVI. 8–9; Dio Cass. XLV. 12; Suet. Aug. 10. 3; App. В.С. III. 40; Nic. Dam. Vita Caes. 31. 131). См. Botermann. Op. cit. S. 36 ff.

⁵⁸ Aigner. Op. cit. S. 151.

IV. 83). Но в борьбе за власть после смерти Цезаря конституционные аргументы, по словам Л. де Блуа, были отброшены и впервые на передний план стала выдвигаться династическая лояльность⁵⁹. Было бы, конечно, ошибкой видеть подоплеку таких отношений исключительно в клиентской верности, переносимой на наследника покойного патрона, но нельзя и исключать этого мотива.

Представляется также вполне правомерным видеть в этих отношениях истоки того династического чувства, которое с началом принципата утверждается – и начиная с Августа – целенаправленно формируется в императорской армии. В источниках императорского времени обнаруживаются многочисленные указания на сильно развитую приверженность солдат правящей династии, *domus Augusta* в целом. Приведем некоторые наиболее показательные примеры. Так, у Тацита в рассказе о происках Гн. Пизона против Германика в качестве фактора, способного помешать реализации узурпаторских планов, выделяется присущая солдатам «глубоко укоренившаяся любовь к Цезарям» (*Ann. II. 76. 3: penitus infixus in Caesares amor*). Это же почтение к Германику и его семейству, связанному родством с Августом, сыграло, по Тациту, решающую роль в изменении настроений мятежных легионов в Германии (*Ann. I. 41. 2*). По утверждению того же Тацита, после усыновления Августом и выбора в качестве наследника Тиберий стал открыто почитаться и превозноситься в войсках (*Ann. I. 3. 3*). В сенатском постановлении по делу Пизона воины удостоиваются официальной похвалы за сохранение преданности и верности дому Августа (*SC de Cn. Pisone patre, 161: fidem pietatem(ue) domui Aug(ustae) praestarent*). Принадлежность к дому Августа и любовь народа к Германику, как хорошо известно, сделали сначала Калигулу желанным правителем, а потом сыграли ключевую роль в выборе императором Клавдия (*Ios. Ant. Iud. XIX. 3. 2*). Характерно также, что после убийства Каракаллой его брата Геты солдаты II Парфянского легиона, расположенного в Италии, выражали крайнее возмущение, заявляя, что обещали быть верными и служить обоим сыновьям Севера (*Herodian. III. 15. 5; SHA. Carac. 2. 7–8; Geta. 6. 1*).

Укорененное в сознании солдат династическое чувство, вероятно, побуждало претендентов на престол, стремившихся к власти в моменты династического кризиса, предпринимать соответствующие меры, чтобы обеспечить определенную легитимность своих притязаний через подчеркивание связи с популярной в солдатской массе династией или предшествующими правителями. Особенно показательны в этом плане действия Септимия Севера, который сначала провозгласил себя Севером Пертинаксом, учитывая то уважение, какое снискал Пертинакс в иллирийских легионах, а потом официально объявил себя сыном Марка, братом Коммода, внуком Антонина, правнуком Адриана и т.д., проведя династическую линию до Нервы (*Herodian. II. 10. 1; Dio Cass. LXXV. 7. 4; LXXVI. 9. 4; Aug. Vict. Caes. 20. 30*), и именовался так в официальных надписях⁶⁰. Соответственно, его сыновья также стали именоваться Антонинами, чтобы подчеркнуть возрождение популярной в войсках и народе династии (*Herodian. III. 10. 5; II. 10. 3; SHA. Sept. Sev. 10. 1; Geta. 1. 4–6*). В биографии Каракаллы сообщается

⁵⁹ *De Blois. The Roman Army and Politics... P. 51.*

⁶⁰ См., например, надпись, сделанную центурионами I Итальянского легиона в Новых: *Imp(eratori) Caesari, divi M(arci) | Antonini P(ii) Germ(anici) Sarm(atici) fil(io), divi Commoldi fra<tri>ri, divi Antonini P(ii) (nepoti), divi Hadriani pronep(oti)l, divi Traiani Parth(ici) abnep(oti), dilvi Nervae adnep(oti), L(ucio) Septim(io) | Severo Pio Pertinaci Aug(usto), | Arab(ico), Adiab(enico)...* (Цит. по ст.: *Sarnowski T. Primi ordines et centuriones legionis I Italicae und eine Dedikation an Septimius Severus aus Novae in Niedermoiesen // ZPE. 1993. 95. S. 206*). Соответствующим образом именовался и Каракалла (см., например, *RIB, 1202, 1235*).

даже, что Антонином его провозгласило войско (SHA. Carac. 1. 1). Стоит также отметить, что после убийства Коммода преторианцы потребовали от претендовавшего на власть Дидия Юлиана принять его имя (Herodian. II. 6. 10–11). Имя Антонина, чтобы снискать расположение воинов, использовал и Опилий Макрин, назвавший так своего сына Диадумена на воинской сходке (SHA. Opil. Marc. 3. 9; Diad. Ant. 1. 2; 3. 1; Dio Cass. LXXVIII. 19. 2; Aur. Vict. Caes. 22. 2). Имя Марка Аврелия Антонина получил при провозглашении императором Гелиогабал, в происхождение которого от Каракаллы охотно поверили солдаты (Herodian. V. 3–4; 7. 3; SHA. Diad. Ant. 9. 4; Heliog. 1. 4). Принадлежность (реальная или вымышленная) к семейству популярного в войсках императора и в IV столетии служила одним из средств обоснования претензий на власть и легитимации положения узурпаторов⁶¹. Так, Прокопий, родственник императора Юлиана, попытавшийся после его смерти захватить власть, для привлечения на свою сторону войска всюду возил с собой и демонстрировал солдатам маленькую дочь Констанция, чтобы подтвердить свое родство с этим последним и Юлианом (Amm. Marc. XXVI. 7. 10; 9. 3).

Надо сказать, что верность членам императорской семьи, помимо всего прочего, обуславливалась приносимой воинами присягой, которая, по всей видимости, в императорское время стала включать обязательство хранить преданность не только императору как главнокомандующему, но и его семейству, как в клятвах, даваемых сенаторами и другими гражданами (см., например, ILS, 190; ср. также Dio Cass. LX. 9. 2)⁶². Судить об этом, правда, приходится только по ко-

⁶¹ Глушанин Е.П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в эпоху первой тетрархии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁶² Premerstein. Op. cit. S. 76 ff. (с указанием других источников). См. также Herrmann P. Der römische Kaisereid. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968. S. 114. Об институте воинской присяги в императорское время см. Watson G.R. The Roman Soldier. New York-Ithaca, 1969. P. 48–49; Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 36 suiv.; Campbell. Op. cit. P. 22 ff.; Stäcker. Op. cit. S. 182 ff. Надо сказать, что вопрос о sacramentum militiae остается, ввиду скудости имеющихся свидетельств, спорным. Его специальное рассмотрение в рамках данной статьи не представляется возможным. Отметим только следующее. Большинство исследователей склоняется к выводу, что в эпоху принципата существовала одна воинская присяга, центральным пунктом которой было обязательство личной верности и повиновения императору. Она приносилась при вступлении на службу и возобновлялась в начале каждого года. По мнению же А. фон Премерштайна (Op. cit. S. 81 f.), наряду с sacramentum militiae воины ежегодно приносили особую клятву верности – ту же, что и гражданское население Империи. Но как бы ни решался этот вопрос, важно иметь в виду, что создаваемая присягой связь императора и войска коренным образом отличалась от той, которая возникала в раннем Риме на основе sacramentum между консулами и присягавшими им воинами. В последнем случае магистрат, наделенный империем и правом ауспиций, выступал прежде всего в качестве посредника между войском и богами и только как таковой мог требовать присяги и повиновения (см. Vendrand-Voyer. Op. cit. P. 38–41; Токмаков В.Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 125–147; он же. Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней Республики // ВДИ. 1997. № 2. С. 43–59). Присяга же на верность принцепсу предполагала (подобно тому как это было в позднереспубликанский период в отношениях отдельных военных вождей и их солдат, которые давали им особую клятву, или в случае с присягой римских граждан Октавиану в 32 г. до н. э.) подчинение ему не только как легитимному носителю сакральной, военной и государственной власти, но как конкретной личности. Это подтверждается тем фактом, что присяга могла быть принесена еще до того, как провозглашенный войском император официально признавался сенатом и народом, т. е. до наделения его империем и правом ауспиций (см. Premerstein. Op. cit. S. 81, с конкретными примерами, относящимися прежде всего к событиям гражданской войны 68–69 гг.; Campbell. Op. cit. P. 28).

свенным данным, поскольку полная формула *sacramentum militiae* императорского времени не сохранилась. Можно, к примеру, сослаться на приводимый у Тацита ответ Бурра на вопрос Сенеки, спросившего, можно ли отдать преторианцам приказ умертвить Агриппину? Начальник преторианцев ответил отрицательно, сказав, что они связаны присягой верности всему дому Цезарей и не осмелятся поднять руку на дочь Германика (Tac. Ann. XIV. 7. 4: *toti Caesarum domui obstrictos*; ср. Hist. I. 5. 1). Интересно также отметить, что когда Калигула решил умертвить Тиберия Гемелла, внука императора Тиберия, то, по свидетельству Филона Александрийского (Leg. ad Gaium. 5), мальчика заставили покончить с собой в присутствии преторианских центурионов и трибунов, которые не захотели его умертвить (даже после того как тот сам просил их об этом), – возможно, потому, что не хотели нарушить присягу⁶³. Полтора столетия спустя подобные соображения уже не останавливали воинов-преторианцев, убивших Пертинакса, за что их укорял Септимий Север, говоря, что они запятнали свою присягу и предали верность (Herodian. II. 9. 8; 13. 8). Важно также отметить, что *sacramentum militiae* со времени Августа приносилась на имя принцепса войсками, расположенными не только в императорских, но и в сенатских провинциях⁶⁴, и все воины считались связанными одной присягой, принесенной одному императору-главнокомандующему (ср. Tac. Hist. IV. 46. 3: *eiusdem sacramenti, eiusdem imperatoris milites*).

Несмотря на нередкие в условиях гражданских войн случаи перехода как отдельных солдат, так и целых воинских формирований на сторону противника, измена своему полководцу, а позже принцепсу часто воспринималась как ни с чем несравнимый позор. По сообщению Диона Кассия (LI. 10. 1–2), когда Антоний во время военных действий в Египте попытался подкупить солдат Октавиана, пообещав им награду в 1500 драхм, Октавиан сам прочитал листовки с этим обещанием своим воинам, противопоставив позор предательства доблестной верности своему полководцу, и вполне убедил солдат, так что они, оскорбленные самой попыткой их соблазнить и не желая показать себя способными на измену, сражались с особенным рвением. Так же и для солдат Цезаря подозрение в неверности (*infidelitatem suspicionem*) казалось оскорбительным и они просили командовавшего ими Куриона поскорее дать сражение, чтобы испытать их *fidem virtutemque* (Caes. B. civ. II. 33. 1–2). Обвинение в измене или недоверие со стороны полководца могли восприниматься настолько остро, что ради сохранения воинской чести некоторые солдаты и офицеры предпочитали покончить с собой. Такое высокое понимание своего воинского долга и чести обнаруживается во многих ярких примерах⁶⁵, которые подтверждают, что верность полковод-

⁶³ Ср. Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd II. Lpz, 1876. S. 819.

⁶⁴ Klingmüller. Sacramentum // RE. Bd I. A. 2 (1920). Sp. 1668.

⁶⁵ Так, попавший в плен к Сципиону квестор Цезаря Граний Петрон не пожелал получить пощаду от врага и бросился на свой меч (Plut. Caes. 16). Центурион Титиний, который во время битвы при Филиппах не успел вовремя сообщить Кассию сведения о положении дел у Брута, вслед за Кассием покончил с собой (Val. Max. IX. 9. 2; ср. Vell. Pat. II. 70. 3). Во время египетской кампании Октавиана его центурион Г. Мевий попал в плен и был приведен к Антонию и в ответ на вопрос, как с ним надлежит поступить, заявил: «Прикажи убить меня, потому что ни благом спасения, ни смертной казнью невозможно добиться, чтобы я перестал быть воином Цезаря и стал твоим» (Val. Max. III. 8. 8). Тацит (Hist. III. 54) рассказывает о центурионе Юлии Агресте, который с разрешения Вителлия отправился в расположение флавийцев, чтобы выяснить, что произошло под Кременой. Когда он, вернувшись, рассказал Вителлию об увиденном, тот ему не поверил и обвинил в измене. Тогда Агрест в доказательство

цу (императору) была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия (ср. также [Caes.] V. Afr. 45. 3; Tac. Hist. II. 69. 1; Amm. Marc. XXVII. 6. 13)⁶⁶. Иногда она даже приобретала демонстративно-экзальтированный, иступленный характер, как в коллективном самоубийстве солдат Отона во время его похорон (Suet. Otho. 12. 2; Plut. Otho. 17; Dio Cass. LXIII. 15. 1²–2^b; Aug. Vict. Caes. 7. 2). Как констатирует Тацит, они покончили с собой не из страха, но из ревнивого чувства чести и любви к принцепсу (Hist. II. 49. 5: neque ob metum, sed aemulatione decoris et caritate principis), и смерть их вызвала восхищение в войсках. Любовь и преданность к умершему императору солдаты выражали и по-другому, но при этом характерно, что они демонстрировали особый военный характер своей связи с покойным. Ветераны Суллы шествовали в его похоронной процессии строем со знаменами и в полном вооружении (App. V.C. II. 105–106); старые легионеры Цезаря сжигали оружие, которым украсились для похорон (Suet. Div. Iul. 84. 4), а на похоронах Августа воины бросали в погребальный костер боевые награды, полученные от императора (Dio Cass. LVI. 42. 2).

Вопреки распространенному в литературе мнению, что моральные обязательства воинов по отношению к императору в условиях гражданских войн несколько не препятствовали изменам и переходу на сторону другого вождя⁶⁷, что решающим фактором преданности солдат было их материальное благополучие, а солдатская масса в целом была склонна к политической взятке⁶⁸, следует, на наш взгляд, поддержать ту точку зрения, что во многих случаях неповиновение командирам, измена одному военному лидеру или императору могли расцениваться солдатами как проявление особой лояльности по отношению к другому лидеру, претендовавшему на власть, верности своему воинскому долгу и тому делу, за которое они сражались⁶⁹. Как пишет П. Вейн, профессиональные солдаты, даже продаваясь тому, кто больше предлагал, сами выбирали своего вождя. Верность императору выступала как эквивалент и квинтэссенция верности воинскому долгу⁷⁰.

Ряд примеров показывает, что преданность императору не в последнюю очередь обуславливалась мнением солдат о том, насколько он соответствует их представлениям о должном моральном облике военного лидера и выполняет

своей верности покончил с собой. Таким же образом покончил с собой и один солдат Отона, которому не поверили, когда он принес известие о разгроме при Бедриаке (Dio Cass. LXIII. 11. 1–2; Suet. Otho. 10. 1), а другой пронзил себя мечом, чтобы доказать преданность солдатам Отону (Plut. Otho. 15). Готовность до последнего вздоха хранить верность своему императору проявили солдаты-вителлианцы, которые на предложение Цивилиса принести присягу Веспасиану ответили, что у них есть один принцепс – Вителлий, за которого они, сохраняя верность, будут сражаться до последнего вздоха (Tac. Hist. IV. 21. 2: pro quo fidem et arma ad supremum spiritum retenturos). Как образец бескомпромиссной верности долгу прославился центурион Семпроний Денс, который единственный из всей когорты бросился на защиту Гальбы (или Пизона, по Тациту) и погиб (Plut. Galba. 26; Tac. Hist. I. 43. 1; Dio Cass. LXIII. 6. 4). Показательно, что в большинстве приведенных примеров образцом подлинной верности и преданности являются офицеры разных рангов. Это, возможно, объясняется не только тем, что они чаще привлекали внимание античных авторов, но и особым характером взаимоотношений полководцев и принцепсов с младшим командным составом. См. выше прим. 24–27.

⁶⁶ Ср. Schuller. Op. cit. S. 197.

⁶⁷ Aigner. Op. cit. S. 150–151.

⁶⁸ Campbell. Op. cit. P. 198, 383.

⁶⁹ Jal. Op. cit. P. 24–26.

⁷⁰ Veyne. Op. cit. P. 610.

свои обязательства перед войском или отдельными воинами. Характерную в этом плане реплику произносит в «Анналах» Тацита (XV. 67. 2) преторианский трибун Субрий Флав, участвовавший в заговоре против Нерона. На вопрос Нерона, почему он дошел до забвения присяги, он ответил: «Я возненавидел тебя. Не было воина преданнее тебе, пока ты был достоин любви». Напротив, память о благодеяниях, оказанных императором отдельным солдатам или воинским частям, часто являлась решающим фактором сохранения их преданности. Так, отмеченный Нероном за заслуги в подавлении восстания в Британии XIV легион долго сохранял ему верность и потом был наиболее предан Отону (Tac. Hist. II. 11). Так же и часть британских войск очень неохотно отказалась от верности Вителлию, который на деле доказал им свою благосклонность, предоставив повышения по службе (Tac. Hist. III. 44). При провозглашении императором Юлиана один префект отказался приносить ему присягу, заявив, что не может связать себя клятвой против Констанция как человек, обязанный ему частыми и различными благодеяниями (Amm. Marc. XXI. 5. 11).

Все эти факты позволяют заключить, что воинская *fides* была понятием более широким и емким, нежели обычная верность клиентов по отношению к патрону, непосредственно пересекаясь с ключевыми категориями воинской этики. Более того, в источниках отношение солдат к полководцу или императору нередко обозначается понятием «любовь». Именно это чувство в первую очередь двигало солдатами Отона⁷¹. Оно же отмечается и в других источниках, например, у «Писателей истории Августов», а также в тех Латинских панегириках, которые были обращены к императорам, которым предстояла борьба с соперниками: здесь лозунг «любви» воинов к своему императору выдвигается на первый план, в отличие от более ранних речей сборника, где это понятие вообще отсутствует⁷². Эта категория, таким образом, обнаруживает свое политическое значение. Так, в панегирике неизвестного автора в честь Константина Августа провозглашается: «Лишь тот страж государства является надежным и верным, кого воины любят ради него самого, кому служит не вынужденная и продажная угодливость, но простая и искренняя преданность» (Pan. Lat. VII. 16. 6). Такая преданность противопоставляется оратором той краткой и непрочной популярности, которую некоторые вожди пытались снискать щедростью. В другом панегирике, посвященном Константину, подчеркивается, что его войско было счастливо носить оружие и выполнять воинские обязанности благодаря своей любви к императору, которого оно так же любило, как и было дорого ему, и вообще любовь к принцепсу делает воина храбрее (X. 19. 4–5; ср. XI. 24. 5–7).

Такого рода сентенции можно было бы счесть голой риторикой, если бы приведенные выше фактические свидетельства не убеждали в том, что во многих случаях искренняя любовь воинов к тем, кому они служили и за кого сражались, не была для них пустым звуком. Стоит в этой связи отметить и еще один весьма примечательный момент: преданность, обусловленная присягой, и любовь воинов к полководцу довольно часто упоминаются как некая идеальная модель в текстах философов и христианских писателей, стремящихся подчеркнуть значение глубокой и искренней верности принципам добродетели или Богу. Сенека,

⁷¹ Ср. *Dio Cass.* LXIII. 12: ἐφίλων τε τὸν Ὀθωνα καὶ πᾶσαν αὐτῷ εὐνοίαν οὐκ ἀπὸ τῆς γλώττης μόνον ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῆς ψυχῆς εἶχον. Ср. также Tac. Hist. I. 83. 2, где в речи Отона, обращенной к преторианцам, говорится об amor и caritas.

⁷² *Шаблага И. Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 76–77.

например, утверждает (*De vita beata*. 15. 5), что поборник добродетели будет помнить древнюю заповедь: «Повинуйся Богу!», подобно тому как доблестный воин будет переносить раны, считать рубцы и, умирая, будет любить того полководца, за которого погибает (*amabit eum, pro quo cadet, imperatorem*; ср. *Epist. CVII*. 9). Эпиктет, рассуждая о служении высшему разуму, приводит сравнение с воинской присягой, которая требует от солдат превыше всего ставить спасение цезаря (I. 14–17). Из христианских авторов уже у апостола Павла используется сравнение из военной сферы: подчеркивая необходимость самоотречения в служении Богу, он пишет: «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тимоф. 2:4). Климент Римский (*Epist. ad Corinth. I*. 37) упоминает о воинах, которые слаженно, усердно и покорно исполняют приказания императора и полководцев каждый в своем звании. Нельзя не процитировать слова Юстина Философа из его первой Апологии (I. 39) о том, что воины, присягающие императору, держатся данного слова и предпочитают это и собственной жизни, и родителям, и отчизне, и всем домашним, хотя и не могут немедленно получить за это награды. Представляется, что в такого рода *locus communis* не мог возникнуть на пустом месте и в общественном сознании императорского времени, несмотря на общее негативно-настороженное отношение к военным, присутствовало и убеждение в наличии особых, освященных присягой уз, объединяющих воинов и императора. Показательно, что в приведенных сентенциях на первый план выдвигается преданность полководцу (императору), а не любовь к отечеству, не служение государству как таковому.

Следует обратить внимание и на то, что отношения императора и армии, подобно отношениям патрона и клиентов, в некоторых случаях трактовались в патерналистских понятиях. Среди многих почетных прозвищ, которые получил Калигула, были и такие, как «сын лагеря» и «отец войска» (*pater exercituum* – *Suet. Cal.* 22. 1). По утверждению Диона Кассия (LXIII. 14. 1), солдаты, эмоционально реагируя на заявление Отона о желании уйти из жизни, называли своего императора отцом, говорили, что он им дороже детей и родителей. Каракалла в одной из надписей назван *pater militum* (ILS, 454). Рисуя идеал дисциплинированного войска во время Парфянского похода Александра Севера, автор его биографии подчеркивает, что воины любили юного императора как брата, как сына, как отца (SHA. *Alex. Sev.* 50. 3). Малолетнего императора Гордиана III воины называли сыном (SHA. *Gord. tres.* 31. 6; *Max. et Balb.* 9. 4–5). В данном контексте уместно вспомнить и о титуле *Mater castrorum*, который носили с конца II в. императрицы⁷³. *Fides* войска, безусловно, имела первостепенное политическое значение. Не случайно она в своих военных аспектах, как *fides militum*, *fides exercituum*, *fides legionum*, начиная с Траяна присутствует в монетной пропаганде многих императоров, преимущественно III столетия⁷⁴. На утверждение идеи благочестивой верности было нацелено и присвоение воинским частям, легионам и когортам почетных наименований *pia*, *fidelis*, иногда с добавлением имени

⁷³ Первой его получила Фаустина Младшая в 174 г. после победы Марка Аврелия над квадами (*Dio Cass.* LXXI. 10. 5; SHA. *M. Aug.* 26. 8), а потом – Бруттия Криспина, жена Коммода, и императрицы северовской династии.

⁷⁴ *Renel Ch.* *Cultes militaires de Rome. Les ensiegnes.* Lyon-Paris, 1903. P. 317 suiv.; *Premierstein.* Op. cit. S. 84 ff.; *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 109 сл., 131 сл., 142; *Wittwer K.* *Kaiser und Heer im Spiegel der Reichmünzen. Untersuchungen zu den militärpolitischen Prägung in der Zeit von Nero bis Caracalla.* Diss. Tübingen, 1987.

императоров (Claudia, Domitiana, Antoniniana, Severiana)⁷⁵. Военская «верность» почиталась и как обожествленная абстракция, о чем свидетельствует, например, алтарь из Аквинка, посвященный Юпитеру Наилучшему Величайшему и Fidei veteranorum (CIL III. 14342).

Учитывая отмеченные моменты, следует признать, что между императором и армией действительно существовали особые связи, носившие персональный характер и не в последнюю очередь обусловленные военной присягой. Обязательство личной верности императору и его семейству, включенное, по всей видимости, в текст присяги, можно, наверное, рассматривать как продолжение и развитие тех прецедентов, которые имели место в позднереспубликанский период, когда воины Суллы, Цинны, Цезаря или Помпея приносили особую присягу верности своему полководцу (ср., например, Vell. Pat. II. 20. 4; Plut. Sulla. 27. 5; App. B. C. I. 66; III. 46; Caes. B. civ. I. 76; III. 13), создававшую особые персональные обязательственные связи между солдатами и военными вождями⁷⁶. Разумеется, наряду с идеальными и правовыми факторами существенное (а иногда, несомненно, и определяющее) значение имело выполнение императором обязательств материального плана, относящихся к снабжению войска, награждению отличившихся, заботе о повседневных нуждах солдат и об обеспечении вышедших в отставку ветеранов.

Не останавливаясь подробно на этих аспектах⁷⁷, отметим только следующие принципиальные моменты. Надежное удовлетворение материальных потребностей солдат в целях недопущения возможных мятежей и солдатского диктата периода гражданских войн было одной из важнейших задач Августа в рамках его политики стабилизации⁷⁸. Для этого необходимо было выработать приемлемый и для власти, и для солдат служебный договор (condicio)⁷⁹. Основателю принципата удалось в целом успешно решить эту непростую задачу. При этом можно говорить об установлении фактической монополии принцепса на снабжение и награждение войск. Соответственно, и жалование, и разного рода льготы (commoda), и praemia militiae, и донативы стали рассматриваться как исключительная прерогатива императора, как проявление его персональных «благодетий» и щедрости по отношению к солдатам и ветеранам⁸⁰. Как таковые они рассматривались и на официальном уровне, и самими солдатами. Например, Август в «Деяниях» особо подчеркивает свои личные благодеяния и расходы на содержание войска. По словам Гигина Громатика (De cond. agr. P. 84 Thulin), наделение ветеранов земельными участками в Паннонии осуществлялось ex voluntate et liberalitate («по воле и в силу щедрости») императора Траяна. В надписи, относящейся, вероятно, ко времени Каракаллы, ala I Hispanorum Castragonum почтила Августа, «отмеченная его милостями и обогащенная его щедротами»

⁷⁵ Ritterling E. *Legio* (Prinzipatszeit) // RE. Bd XII. 2 (1925). Sp. 1249, 1368 ff., 1617, 1691; Campbell. Op. cit. P. 93 f.; Fitz J. Honorific titles of Roman military units in the 3^d century. Budapest, 1983.

⁷⁶ Premierstein. Op. cit. S. 80–81.

⁷⁷ См. об этом: Wesch-Klein. Op. cit.; Campbell. Op. cit.; Watson. Op. cit.

⁷⁸ Ср. Suet. Aug. 49. 2: ne aut aetate aut inopia post missionem sollicitari ad res novas possent. Ср. Dio Cass. LIV. 25. 5. Подробно см. Campbell. Op. cit. P. 181 ff.

⁷⁹ Speidel M.A. Sold und Wirtschaftslage der römischen Soldaten // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit... S. 65 ff.

⁸⁰ Ср. Keppie L. The Army and the Navy // CAH². Vol. XI. 2001. P. 378. Характерно, что в неофициальной титулатуре императоров получают распространения такие наименования, как indulgentissimus, liberalissimus. См. Frei-Stolba R. von. Inoffizielle Kaisertitulationen in 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. // Museum Helveticum. 1969. Vol. 26. № 1. S. 36–37.

(CIL III. 1378: *indulgentiis eius aucta liberalit[at]ibus ditata*). Армия оказывалась в особом попечении императоров, и императорские подарки солдатам (*donativa*)⁸¹ можно сопоставить с *congariatum* плебсу, связанным по своему происхождению не с выплатами солдатам во времена гражданских войн, но с практикой завещаний, в соответствии с которой видные римляне завещали дары своим согражданам и клиентам; донативы следует поэтому рассматривать отнюдь не как средство подкупа войска, но как знак политического престижа армии, символ особо близких отношений между императором и солдатами, которые в обмен на получаемые дары и преимущества обязывались верностью⁸².

С этой точки зрения, убедительно аргументированной в литературе, взаимоотношения между императором и войском действительно можно трактовать как связи типа патроната-клиентелы, столь характерные для римского социума в целом на разных этапах его истории. Но при этом необходимо подчеркнуть их военную специфику. Она, на наш взгляд, заключалась в том, что армия, прежде всего войска из граждан, т.е. легионеры и преторианцы, выступала как одна из «договаривающихся сторон», которая, в отличие от столичного плебса, брала на себя весьма серьезные обязательства и сохраняла своего рода гражданское самосознание, а потому и от правителя-патрона могла при необходимости требовать твердого выполнения соответствующих обязательств. В такой системе взаимоотношений воины, оставаясь приверженцами единодержавия, ощущали себя не подданными монарха, но своеобразными партнерами и опорой императорской власти⁸³. Учитывая вышеизложенное, при использовании понятия войсковой клиентелы для характеристики социально-политических и морально-психологических отношений между императором и армией необходимо иметь в виду, что связи патроната-клиентелы хотя и составляли основу этих отношений, но отнюдь не исчерпывали всего их комплекса, включавшего и другие аспекты, в том числе военно-правовые и военно-этические, которые, в свою очередь, в немалой степени определяли специфический характер *Heeresklientel*. И хотя данное понятие как таковое напрямую нигде в источниках не употребляется, оно, на наш взгляд, позволяет более точно, нежели понятие наемной армии, акцентировать специфику того положения, какое занимали вооруженные силы в государственно-политической структуре императорского Рима. Рассмотренный материал, как представляется, показывает, что система взаимоотношений войска с носителем высшей власти в Империи, подобно другим государственно-правовым и социально-политическим структурам принципата, впитала в себя как древние римские традиции, полисно-республиканские по своему характеру, так и те их «мутации» и новшества, которые появились в период кризиса Республики и, в свой черед подвергшись определенным трансформациям, определили двойственную природу Ранней Римской империи.

⁸¹ В целом о донативах: *Fiebiger O.* *Donativum* // RE. Bd V. 1905. Sp. 1542-1543; *Kloft H.* *Liberalitas principis. Herkunft und Bedeutung. Studien zur Prinzipatsideologie.* Köln, 1970. S. 104-110.

⁸² *Veyne.* Op. cit. P. 613-617; *Flaig E.* *Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation in romischen Reich.* Frankfurt am Main, 1992. S. 165-166.

⁸³ Примечательно в этом плане и, на наш взгляд, очень симптоматично, что в период Ранней империи (до правления Северов) императорский культ в армии – во всяком случае среди легионеров – носил весьма сдержанный характер, далекий от всякого сервиллизма и чрезмерного рвения, которые нередко обнаруживаются в среде провинциального населения. Ср. *Ле Бозк.* Ук. соч. С. 379; *Stäcker.* Op. cit.

ON MILITARY CLIENTELE IN ROME OF THE LATE REPUBLICAN AND EARLY IMPERIAL PERIODS

A. V. Makhlayuk

The author raises the question whether the term «military clientele» may be applied to the complex of relations between the emperor and the army during the period of Principate. Modern scholarship does not give a uniform answer to this question. Some scholars put a special stress on the personal character of relations between military leaders and the army in the late republican and early imperial periods and think it possible to speak about mutual duties of patronate-and-clientele type as one of the main factors of the transition from republican rule to principate. Other researchers either use the term of military clientele very cautiously or avoid it when describing relations between the *princeps* and the army, or else consider that these phenomena had no special military specifics and must be classed among usual patronate-and-clientele relations.

The author of the paper maintains that patronate-and-clientele relations (very much characteristic of the Roman society in different periods of its development) constituted an important aspect of the relations between the emperor and the army; secured by the military oath and custom they were based upon a kind of contract. Personal character of late republican and early principate armies was very well realized by the contemporaries. Monopolization of the military clientele on the part of *principes* was one of the key factors in achieving political stability. After the establishment of the principate military service came to be regarded as a service rendered personally to the emperor and the army as belonging to him personally not just because of his position as commander-in-chief, but also because of personal duties and relations. The military clientele included various specific informal components (the idea of emperor as a the only source and distributor of marks of distinction and material benefits, strong dynastic feelings among the soldiers, identification of military duties with personal faithfulness to the emperor and his family). Together with ideal, symbolic and legal factors, of great importance was the way the emperor fulfilled his material duties and met the soldier's everyday needs. Military clientele was specific because of the fact that the army, especially the detachments consisting of citizens, i.e. legionaries and praetorians, acted as one of the contracting sides, which (unlike the city plebs) would take up serious responsibilities and preserved a sort of civic consciousness, thus being able to insist on fulfilment of the patron's duties if this became necessary. This system of relations implied that the military men, remaining adepts of monarchy, could think of themselves not as of subjects, but as of partners and warranty of the emperor's power. The specific character of military clientele was to a great extent determined by the ethnic parameters. Describing the relations between the emperor and the army as a kind of clientele makes it possible to define more precisely (than the term of hired army) that specific position which military forces held in the political structure of the imperial Rome. The material analyzed in the article shows that the system of relations between the army and the emperor, like other legal, social and political structures of the Empire, absorbed both the old Roman republican traditions and their «mutations» and the innovations that appeared during the crisis of the republic, which, having undergone in their turn some transformations, determined the double (republican and imperial) nature of the Principate.